

ОКСАНА ЛЕБЕДЬ

РАЗВОД

Кому ты нужна в 45

Оксана Лебедь

Развод. Кому ты нужна в 45?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74203503

Аннотация

– Я подам на развод. – слова вылетают сами. Резко. Холодно.

Брови мужа взлетают, потом он... усмехается.

– Какой развод? – Андрей откровенно смеётся мне в лицо. – Ты что, башкой поехала?

Я молчу, но смотрю прямо в глаза.

– Тебе сорок пять, Ира, – продолжает он, будто читает приговор. – СОРОК. ПЯТЬ. Кому ты нужна?

Женское любопытство, оно так коварно... Стоило найти подарок на годовщину свадьбы, как мир рухнул. А самое страшное, что муж как будто этого и ждал, чтобы сорвать наконец маску и делать, что пожелает, ведь он уверен, что я никому не нужна и ничего не стою! Вот только оказывается, что мир полон других мужчин и работа меня ждет, возможно даже его место!

Содержание

1	4
Визуалы	14
2	16
3	25
4	31
5	43
6	53
7	64
8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

1

– Дорогая Ира... – Андрей поднимается из-за стола, поправляя манжет – привычное движение, перед началом речи. Его бокал с шампанским вспыхивает в свете тёплых ламп под потолком.

Я автоматически выпрямляюсь, ведь теперь все смотрят на меня.

За столиками сидят друзья, коллеги, родственники. Шёпот, улыбки, звон бокалов. Официанты в тёмно-зелёных фартуках скользят мимо, тихо, как тени. Ресторан "Сен-Реми" – именно здесь сделал мне предложение Андрей двадцать лет назад.

– Двадцать лет – это... – начинает он, смотрит на меня уверенно, тепло. – Это не просто цифра. Это путь. Мы прошли его рядом. И, Ира, я хочу сказать... ты – лучшая часть моей жизни. Ты – моя душа, мое сердце бьётся ради тебя.

Аплодисменты, одобрителный гул. Я улыбаюсь. Мне хочется расплакаться от счастья. Я не хочу думать о своих подозрениях. О поздних сообщениях. О духах не моих на его рубашке. Не хочу даже спрашивать об этом Андрея, он всегда вспыхивает, когда я говорю о своих подозрениях.

Андрей делает паузу. И я вижу – он волнуется. По-настоящему волнуется. Его пальцы снова касаются манжета.

– Я подарил тебе много драгоценностей за эти годы... –

продолжает он. – Но ты заслуживаешь большего. Если бы я мог, то подарил бы тебе весь мир

Он достает маленькую коробочку. Синяя. Бархатная. Как-то странно кольнуло внутри.

Совсем недавно, пару дней назад, я нашла бордовую коробочку в его рабочем столе, когда вынимала документы. Случайно. Сразу поняла, что это подарок на нашу годовщину. Хотела сделать вид, что не нашла. Даже аккуратно положила обратно. Но не удержалась и открыла ее, там были серьги в форме лебеда, с большими бриллиантами в центре, видно что сделаны на заказ. Такие нежные, изысканные, прямо как я люблю.

Меня тогда передернуло от коробочки, бордовая слишком пошло выглядит для такого изысканного и нежного изделия и думаю, что Андрей тоже это понял. Поэтому, в его руках сейчас синяя коробочка.

Мурашки бегут по спине, губа сама тянется под зубы – я кусаю её, нужно ведь еще как-то удивиться подарку. А я уже просто жду когда это волшебство попадет мне в руки и я смогу наконец примерить их. Даже платье надела специально под них, шёлковое, нежно розовое, темные волосы собрала, чтобы весь вечер все видели подарок моего мужа.

– Ира, – Андрей открывает коробочку, и... Я кажется слышу как мое сердце падает и разбивается об мраморный пол. У меня на секунду замирает дыхание. Вообще перед глазами даже темнеет, я словно умерла на долю секунды.

Внутри – не серьги. Подвеска. Совсем другая. Небольшой кулон с рубином.

Я моргаю. Улыбаюсь. Кажется. Вроде пытаюсь.

Все хлопают. Я немного наклоняюсь, позволяю ему надеть украшение мне на шею. Рубин холодный, кожа покрывается мурашками. Андрей целует меня в щеку и как раз в этот момент я вижу как входит Лена, жена одноклассника Андрея, он не так давно устроился в фирму к Андрею.

Она элегантно одета, подходит чуть ближе, я вижу подзрительный блеск в ее ушах. Такой блеск я всегда узнаю, все же раньше я работала вместе с мужем в ювелирной фирме. Еще ближе, сердце замирает, словно что-то предчувствует.

Мои серьгах. Нет, это не такие же! Это мои серьги! Да и ее муж зарабатывает раза в три меньше Андрея, на такие щедрые подарки у него просто нет денег! У них ипотека, ребенок... Они бы сами не смогли позволить себе такое... И это не подделка!

Я не чувствую ног. Вкус крови во рту – слишком сильно кусаю губу.

Лена улыбается, кивает в знак приветствия. И поправляет волосы, чтобы лучше блеснули серьги.

Я вежливо киваю в ответ. Все словно исчезает, все звуки сливаются в один сплошной шум, перед глазами карусель из лиц. Мне нужно на воздух. Нужно подышать. Этому должно быть логическое объяснение! Я догадывалась, что у ма-жа кто-то есть на стороне, но не думала что на столько близ-

ко, что даже на нашу годовщину пришла. И кто? Лена? Да она всего на семь лет младше меня! Ни чем не выделяется! Обычная, посредственная!

Серьги... Этого так мало для обвинения в измене и в то же время словно последний кубик в башне. Последнее время я все чаще думала об этом, замечала всякое, подозрения... подозрения ни куда не уходят, не оставляют ни на секунду, они пустили корни в мое сердце и уже не хотят отпускать.

Я даже не чувствую, как распахиваю двери – просто вываливаюсь на улицу, будто меня выкинули. Декабрь. Питер. Мокрый снег, то ли дождь, то ли крошка льда. Проезжает машина – вода из-под колёс брызгает на мои белые туфли и подол платья. Не важно. Ничего не важно.

Дыши.

Я хватаю воздух ртом, как после бега. Горло сводит, как будто я плакала, хотя ни одной слезы нет. Или есть? Не чувствую. В животе – тошнота. Сладкая, липкая, как от просроченного шампанского. Она поднимается выше, в грудь. В горло.

Серьги.

Эти чёртовы серьги стоят перед глазами, как будто кто-то швырнул их мне в лицо. Я вижу, как они блестели у неё на ушах. Как она заправляла волосы за ухо – специально, чтобы все заметили. А как она смотрела на меня. Что означал ее взгляд? Хотела похвастаться? Хотела показать мне что-то?

Меня бросает в жар, как будто я стою не на промёрзшей

улице, а у печки. Мне нечем дышать. Хочется содрать с себя всё – и одежду, и кожу, и память. Всё, к чему он хоть раз прикасался он. Мой муж.

Почему-то в голове всплывает картинка – настолько ясная, что меня реально начинает мутить.

Андрей – наклоняется к Лене. Обнимает её за талию. Целует. Одной рукой касается её волос. Той рукой, которой он поправляет манжет перед каждой речью, а затем надевает мои серьги.

– Перестань, – шепчу я себе. – Прекрати. Это ерунда. Это ни чего не доказывает...

Но уже поздно, меня не остановить.

Месяцы, годы. Эти запахи. Эти поздние сообщения. Эти стертые звонки. Эти его "дела, задержусь".

Я видела. Но делала вид, что не вижу. Потому что семья. Потому что дети. Потому что люблю. Люблю? Сейчас это слово звучит как насмешка.

Я выпрямляюсь, вытираю лицо – когда успели появиться слёзы? – и делаю пару шагов в сторону. Меня шатает.

И тут позади хлопает дверь.

– Ира! – голос мужа, его отчетливые шаги позади. – Ирина, стой. Что происходит?

Он останавливается позади меня.

Я замираю. Не оборачиваюсь.

Растаявший грязный снег впитывается в подол платья, ноги онемели, но я стою.

– Ирина, – он рядом. Я чувствую его тепло за спиной, его запах – тот самый, давно ставший привычным. Только сейчас от него тошнит.

– Что происходит? – голос мягче, но в нём сталь. – Ты вылетела как ненормальная.

– Ненормальная? – Я медленно поворачиваюсь. Он обеспокоен, хотя наверно делает вид. Я устала ковыряться в себе, в нем. Хочу просто знать правду!

– Всё в порядке? – тянет руку, будто хочет коснуться моего плеча.

Я отступаю. Андрей растерянно задерживает руку в воздухе, потом нервно медленно опускает.

– Ира, ты себя со стороны видишь? Ты как будто... – он подбирает слово. – ...как будто увидела привидение.

Я смотрю на него.

Привидение? Нет. Хотя лучше бы приведение!

– Андрей, – мой голос тихий, но ровный. – Скажи.

– Что? – он устало закатывает глаза.

– Откуда у Лены мои серьги?

Он часто моргает, на его лице удивление и кажется даже не поддельное.

– Какие ещё «твои»? – он хмурится. – Ира, ты... ты что-то путаешь. Ты опять что-то придумала? Давай сегодня обойдемся без твоих домыслов.

– Не начинай, – прошу я, чувствуя, как перехватывает дыхание. – Просто скажи. Я просто хочу знать правду. Ты с ней

спишь?

Он вздыхает. Поднимает глаза к небу, будто просит терпения у вселенской канцелярии.

– Господи... – он закрывает глаза. – Ты опять? Опять за своё? Я подарил тебе кулон, – он говорит медленно, будто объясняет ребёнку. – Красивый. Дорогой. Я выбрал его специально для тебя. Искал несколько недель то, что зацепит душу. Я хотел, чтобы этот вечер был... памятным. А ты... – он разводит руками и недовольно качает головой. – Ты снова начинаешь придумывать ерунду!

– Ерунду? – я слышу смех. Только потом понимаю, что смеюсь я сама. Резко. Сухо. – Ты серьёзно? Лена сама такое не купит! Да и муж ей такое не подарит. Эта заказное украшение, дорогое! Там бриллианты!

– Ира, – он уже злится, но пытается сдержаться. – Ты видишь женщину в дорогих серьгах – и всё, это значит что их я подарил? Может кредит взяли? Или подделка? Может любовник? Я тут вообще при чем? Ты несешь ерунду! Ты понимаешь? Ты совсем поехала на своих беспочвенных подозрениях!

– Беспочвенных? – взрываюсь я. – Это мои серьги! Мои! Я их видела! Два дня назад! У тебя в столе!

Он замирает. Успеваю заметить растерянность в его глазах. Вот оно. Попал.

– Ты... Ты лазила в моем столе? Ты точно сошла с ума? Может по карманам лазишь? Одежду нюхаешь? – он вновь

раздраженно выдыхает и трясёт головой.

– Мне нужны были документы... – но я замолкаю. Почему вообще я оправдываюсь? Это он... Он здесь должен отвечать! – Да какая разница? Залезла и залезла! Это и мой дом тоже! Так что ты скажешь? Эти серьги были у тебя в столе!

– Я... – его голос сбивается, но он быстро берёт себя в руки. – Хорошо. Ладно. – Он выдыхает, будто только что сел в самолёт, который тряхнуло. – Ты ведь все равно не отвяжешься. Я купил ей. Да. Подарил. На день рождения. Что-бы... – он делает паузу, подбирая оправдание. Да, ведь у Лены день рождение был не вчера, а полгода назад. – ...из благодарности. За помощь.

Ветер проносится между нами, брызги мокрого снега летят в лицо, Андрей морщится, а я не чувствую ничего.

– Из благодарности? – моя челюсть немеет. – За Что? – Он молчит. – За что? – повторяю я, чувствуя, как руки начинают дрожать.

Он смотрит мне прямо в глаза.

– Ира, – говорит он наконец. – Успокойся. Пойдём внутрь. Ты простынешь, завтра сляжешь с пневмонией. Не будь... истеричкой.

Что-то внутри меня щёлкает.

– Истеричкой? – повторяю тихо, но голос уже дрожит. – Хочешь истерику? Будет тебе истерика!

Я не контролирую себя. В груди будто рвётся мешок с порванными проводами – всё искрит, шипит.

– Меня достало! – кричу прямо в его лицо. – Достало твои враньё! Эти сказки! Эти «благодарности»! Эти командировки и «поздно задержался на работе»! – Он пытается вставить слово, но я не даю. – Я устала делать вид, Андрей! Устала притворяться душой! Улыбаться за столом, когда ты приходишь, пахнувший чужими духами! Устала верить, что ты «любишь только меня»!

– Ира, заткнись, – шипит он, хватая меня за руку. – Люди смотрят!

– Пусть смотрят! – вырываюсь. – Пусть знают, какой ты лежец! Пусть знают, что ты...

Я не успеваю договорить.

Он хватает меня обеими руками – резко, так, что воздух вышибает из лёгких. Боль обжигает плечи.

– Да, я сплю с ней! – рычит он прямо мне в лицо. – Это ты хотела услышать? Я стою, как прибитая к земле. Каждое слово – как пощёчина. Мир останавливается. Я даже не дышу. – С Леной, да! – продолжает он, словно давно хотел это сказать, но повода не было. – И знаешь что? Мне хорошо! Потому что она не ноет, не пилит, не устраивает сцен на каждом шагу! Не сидит с кислой миной! Она ценит все что я для нее делаю! В отличии от тебя! Она женщина! А ты...

Он не договаривает. Но я слышу. Я слышу всё, что он не сказал.

Медленно отворачиваюсь, во мне столько злости. Я догадывалась, что он изменяет, но не с той кто входит к нам в

дом!

Визуалы

Андрей Соколов, 48 лет

Коммерческий директор крупной ювелирной компании

Рассудительный, уверенный, привыкший, что его слово – последнее.

Считает себя хорошим мужем: *«я не бросил семью, я обеспечиваю – значит, всё нормально»*.

Измены считает «пустяком, не имеющим отношения к семье».

Категорически против развода.

Потому что *в его среде мужчина без семьи – это «неустойчивый», «ненадёжный», «как руководитель уже сомнительный»*.
 Жена – часть его статуса.

Ирина Соколова, 45 лет

Работала менеджером по ключевым клиентам в ювелирной компании, вместе с будущим мужем. Но семья требовала слишком много времени и пришлось выбирать. 15 лет домохозяйка, верная жена и мама троих детей.

Спокойная, самодостаточная, привыкшая тянуть на себе быт и эмоции всей семьи.

Долгое время терпела, потому что «семья – это главное».

Но внутри давно накопилось, кажется только спичку поднести. Но все ли так просто, ведь уже не двадцать и все вещи в рюкзак не помещаются.

Что-то горячее поднимается к глазам, но я моргаю, пытаюсь удержать. Ещё миг – и не удерживаю.

Слёзы катятся сами.

Я ненавижу их. Ненавижу, что плачу перед ним. Что он видит.

Догадываться – одно. Слышать – совсем другое.

Предположения были ядовитыми, но они были только мыслями. Их можно было отогнать, назвать бредом, переубедить себя.

Андрей резко дергает меня и разворачивает к себе лицом, вновь хватая за плечи и встряхивает.

– Ты ведь это хотела узнать? Стало легче?

– Ты... Ты... – я хочу что-то сказать, хочу чтобы он почувствовал как делает мне больно, но слезы душат все слова.

– Не реви, – бросает он раздражённо. – Господи, опять это...

Я сжимаю зубы до боли. От напряжения все тело начинает трясти.

– Я подам на развод. – Слова вылетают сами. Резко. Холодно.

Его брови взлетают, потом он... усмехается.

– Какой развод? – он откровенно смеётся мне в лицо. – Ты что, башкой поехала?

Я молчу, но смотрю прямо в глаза.

– Тебе сорок пять, Ира, – продолжает он, будто читает приговор. – СОРОК. ПЯТЬ. Кому ты нужна? – Я вздрагиваю. Он чувствует – и давит сильнее. – Ты думаешь, что разведёшься и заживёшь? На что? На мамины пенсии? Или на что ты там живёшь, напомни?

– Хватит...

– Ты всю жизнь только тратишь! Салончики, косметика, платья твои вечные. Ты НИЧЕГО не заработала сама! Ноль! Ты НИКТО без меня! Всё что у тебя есть, это всё МОЁ! – Я стою, дрожу – от холода, от слёз, от ярости. – Так что не строй из себя королеву. Ты никому не нужна. У тебя нет работы, жилья, нет ни чего! Ты пятнадцать лет сидишь у меня на шее и хоть бы «Спасибо» сказала!

– Я... Ты сам так хотел...

– Конечно, – усмехается он. – Теперь, ты обвиняешь меня! Да тебя держали только за смазливую мордашку, всем угождала, а по факту ты никто!

– Я... Я все равно...

– Никакого развода не будет. Я тебя содержу, я тебя одеваю, обуваю – и ты будешь сидеть и молчать. Поняла? А вздумаешь рыпнуться, ни копейки не получишь! Детей я заберу, ты ведь не сможешь им обеспечить привычные условия. Будешь платить алименты со своей жалкой зарплаты уборщицы и считать дни своего жалкого существования!

Мир гудит, как после взрыва. Слёзы текут сами, но внут-

ри уже не боль. Внутри – что-то собирается. Тихо. Сжато. Опасно.

Я не могу возразить, в голове ковардак, все еще перед глазами стоят серьги в ушах Лены и крик мужа «Да, я с ней сплю!».

Его пальцы резко разжимаются, отпуская мои плечи. Кожа горит. Я едва удерживаюсь, чтобы не покачнуться. Андрей выпрямляется. Медленно. Как победитель после схватки. Даже улыбается. Спокойно, почти ласково.

– Вот и умница, – говорит. Будто я выполнила его ожидание. – А теперь... приведи себя в порядок. – Он протягивает руку – и ладонью поглаживает мой лоб, как заботливый муж, как будто только что не швырял в меня словами, как ножами. – И возвращайся в зал. – Голос мягкий, бархатный. – Люди ждут. – Я не двигаюсь. Он наклоняется ближе, шепчет почти вкрадчиво: – Думай о будущем, дорогая жена.

Он разворачивается и, держа победное спокойствие уходит внутрь, к теплему свету и к людям, которые аплодировали несколько минут назад.

Просто уходит, не оглядываясь.

Я остаюсь стоять. Снег начинает валить большими хлопьями, липнет к ресницам, платье давно промокло, ног не чувствую от холода.

Я стою... и смотрю в одну точку.

Кажется, если пошевелюсь – развалюсь на части. Его измена это не сюрприз, но все равно больно. Больно осознавать

как я была права, но не хотела верить. И ведь не первый год я закрываю глаза, не пойман не вор. А тут... Даже в какой-то мере я сожалею что сорвалась, лучше бы и дальше жила в подозрениях.

Как развестись?

Мысли медленные, словно через вату.

Как?

У меня нет работы. Я ушла из-за него.

Он просил. Уговаривал. В фирме где мы работали вместе когда-то непринято, чтобы муж и жена работали вместе, да еще и конкурировали на одно место. Я же женщина, должна была заниматься семьей, а он мужчина – добытчик.

Я оставила всё.

Все свои годы. Свои планы. Себя. Потеряла почти всех друзей. Я не жалею об этом, у меня трое прекрасных детей, с которыми я проводила каждую минуту, без нянек и помощников, успела увидеть все и первые шаги, первые улыбки и первые слова.

Я ведь заботилась об Андрее, любила. Да, подозревала в изменах, устраивала расспросы, но как оказалось не беспочвенно.

Снег замерзает на моих щеках, но я даже не вытираю.

Мир рухнул. И я – вместе с ним.

– Ира?!

Голос доносится словно сквозь воду. Я не сразу понимаю, откуда он.

– Ира! – уже совсем близко. – Да твою мать... – Раздвигается вихрь мокрого снега – и Марина буквально подлетает ко мне, запыхавшаяся, с моей шубой в руках. Единственная моя подруга со времен инивера, только она осталась, все остальные недолюбливали Андрея, а я защищала и как-то... потеряли связь. – Ты чего здесь стоишь?! – она резким движением накидывает мех мне на плечи. – Дура, простынешь же!

Я не сопротивляюсь. Марина застёгивает пуговицы, трясущимися руками, натягивает воротник, будто закутывает ребёнка.

А я... Я как тряпичная кукла. Безвольная. Пустая. Я давно уже такая, просто раньше не видела этого. Для мужа я была всего лишь куклой, удобной, все меня в офисе знают, директор в восторге, всегда Андрею говорит, что какая ему жена заботливая и умная досталась. Вот он и играет, как куклу меня приводит на все корпоративы. Для статуса ему нужна жена, а не для семьи.

Пальцы Марины холодные, но от них всё равно теплее, чем от прикосновений Андрея.

Марина заглядывает мне в лицо, держась за воротник шубы.

– Ира... – настороженно произносит она, словно боится что я отключусь прямо здесь. – Что случилось...?

Я смотрю на неё. Слова есть. Но я не могу их выговорить. Губы дрожат, рот приоткрывается и закрывается. Может ес-

ли я не произнесу это в слух, это все окажется сном или неправдой.

– Так... Так, – Марина крутит головой по сторона. – Надо согреться... И... Давай-ка поедем от сюда. Все же это твой праздник. Мне тут знаешь рыба не особо зашла, да и алкоголь весь так себе. Андрей да, выбирал коньяк?

– Он ему нравится, – с грустью выдыхаю я.

– Ну вот сразу видно мужики, о дамах не думают. Пьют какое-то пойло... Так, так, так... О! Такси! – она тащит меня к дороге. – Мне эта скрипка уже всю душу высосала, эта классика, даже потанцевать нормально не получается. Словно не на юбилее свадьбы, а на похоронах.

– А мы и так на похоронах, – я все еще как в тумане, меня даже покачивает. Марина бросает на меня встревоженный взгляд. – На похоронах моего брака.

Марина поджимает губы, пытается вернуть улыбку на прежнее место, но уголки лишь немного подрагивают. Она прокашливается, возвращает себе привычный весело-боевой настрой.

Ловит такси буквально взмахом руки – как будто не выюга, не декабрь, а июнь и попутки сами выстраиваются в очередь. Дверца открывается, и я оказываюсь внутри, даже не поняв, как. Мягкое сиденье подо мной, тёплый воздух из печки – но мне всё равно кажется, что я сижу в ледяной воде.

Марина садится рядом, накидывает ремень и хлопает по переднему сиденью:

– Поехали. Любая кофейня с алкоголем. Или просто куда глаза глядят.

Таксист что-то отвечает, но я не слышу. Мои руки дрожат. Я смотрю на них – как будто не мои. Пальцы красные, подушечки побелели, ногти синие и это чертово кольцо на безымянном пальце впивается в кожу. В голове все еще слышу голос Андрей и вижу его злые глаза. Он раньше никогда так не смотрел, у него были срывы, но что бы так... с каким-то пренебрежением, словно я ни кто...

Марина замечает мое покинутое состояние.

– Эй... – она осторожно накрывает мои руки своими. – Все хорошо. Я рядом.

И от ее тихого, теплого голоса меня прорывает. Сначала тихо. Голос срывается где-то между горлом и лёгкими.

– Он... – говорю я, но не могу продолжить. Марина чуть наклоняет голову. Не перебивает. – Он... сказал... – слова рвутся рывками. – Что... спит... с Леной... – Такси вспыхивает светом встречных фар, и в этом свете я вижу, как на щеке Марины дернулась мышца. Но она молчит. Просто слушает. И я уже не могу остановиться. – Он кричал мне это в лицо! – голос становится громче. – С какой-то... гордостью! Словно я – дура! Словно я достойна этого! – Слёзы текут снова. Я ненавижу их. Я ненавижу себя. – Сказал, что... что **никто меня не возьмёт! Что я – Никто! Что развода не будет, потому что я завишу от него! Что я только трачу и... и...**

Я захлёбываюсь. Марина не тянется обнимать – просто продолжает держать мои руки. Не плачет. Не ахает. Не ругается на него. Просто... слушает.

И именно это – добивает и я понимаю, что мое откровение, не удивляет Марину.

– Ты... – я всхлипываю. Марина медленно поднимает глаза. – **Ты знала?** – шепчу я.

Пауза от которой звенит в ушах и мир переворачивается.

– **Все знали.** – Отвечает Марина не отводя взгляда.

Тишина. Даже двигатель такси будто стих.

– Все... – повторяю я. – Все... знали?

Марина медленно кивает.

– Мне кажется ты не хотела этого знать, – она глубоко выдыхает. – Ты словно в сказке в какой-то жила. Да и что бы я сказала?

Я закрываю глаза. Слёзы текут снова, но уже другие.

– Да что угодна! Ты... Ты могла сказать мне правду, открыт глаза!

Марина шумно выдыхает.

– Зачем? Что бы Андрей тебя настроил против меня? Да и ты бы все равно не поверила. Ты ведь на этого... козла смотришь как на божество! А он... – он замолкает, словно не хочет продолжать эту тему, боится что взорвется. – Ну теперь ты сама все услышала, от него лично, – она пожимает плечами. – Так даже лучше! По-другому бы ты и не поверила.

– Ты бы могла мне сказать правду, – мне обидно, чувствую

себя как полная дура. — Я бы поверила тебе!

— Ой, — Марина качает головой. — Да ты бы меня послала, а Андрей потом заставил бы со мной не общаться и выставил меня крайней! Все равно, ты рано или поздно узнала бы. Андрей не сильно шифруется, по ресторанам такает эту сучку! Вообще мне кажется ее муженек тоже в курсе, что он женушку с кем-то делит, а возможно даже участвует...

— Фу! Марина! — меня даже передергивает от этой мысли, но как-то мысли фокусируются на другом.

— Ну а что, знаешь у каждого свои интересы, как в жизни, так и в постели!

— Давай вот это как-то не со мной! — из-за этого отвращения, я даже забываю о своем горе.

Я сижу. Тихо. Воздух горячий, но мне всё ещё холодно. Слезы уже не текут — будто закончились. Или замёрзли прямо внутри.

Марина смотрит на меня пристально. Не жалостливо — *твёрдо*.

— И что ты решила?

Я качаю головой, я не знаю. Не знаю как жить без Андрея, я ведь все бросила ради нашей семьи. Но как жить с Андреем после измены? Ведь это уже другой мир... А уходить... Куда? А дети? Все так сложно, столько ответственности. Это в двадцать можно кинуть рюкзак на плечо и пойти куда глаза глядят, а в сорок пять...

– Пока не знаю... Но все как раньше точно не будет.

– Ладно, – Марина понимающе кивает. – Мужчина! – Марина резко подаётся вперёд, похлопывая по спинке переднего сиденья. – Разворачивай к клубу Ruby Hall. Это возле Петровской набережной. Да, давай быстрее, девушка сейчас в обморок грохнется если не выпьет!

Я усмехаюсь, решительный настрой Марины сбивает с толку.

Таксист молча кивает, включает поворотник и уходит в разворот

– Марину, ну не сегодня... – я кручу головой.

– Ну не каждый день ты оказываешься свободной женщиной! Я должна воспользоваться этими часами на максимуме! Так что, мы вспомним молодость и поедem в клуб! Плевать, завтра будет завтра! А сегодня ты свободна!

– Марин, ну может не сейчас? Ну какой клуб? Ты с ума сошла?

– А когда? Ты как замуж выскочила, так из своего дома не выбираешься! То Андрей, то дети! А раньше что было? Да ты жила! Работала, ходила в ночные клубы, скалолазанием занималась! Когда еще, если не сейчас?

Я недовольно качаю головой, но Марину не переубедить. Мне бы забраться под одеяло и подумать что делать дальше,

а не ехать непонятно куда.

Такси тормозит у яркой входной группы клуба. Музыка бьёт басами прямо в живот, из дверей вываливаются смеющиеся люди, пахнет дымом, алкоголем и свободой.

Марина распахивает дверь с моей стороны.

– Пошли. Хотя бы сегодня я хочу увидеть свою прежнюю подругу.

Я глубоко вдыхаю холодный воздух.

Марину пропускают без очереди. Даже охранник у входа, здоровяк в чёрном, лишь кивком приветствует, и она, не снижая темпа, тянет меня за руку, как будто я чемодан, который нельзя потерять.

– Привет, зай! – кричит она кому-то в толпе, перехватывая взгляд.

– Мариш! – визжит в ответ какая-то девушка.

– Целую! Потом подойду! – Марина машет ей рукой, продолжая тащить меня сквозь людской поток.

Грохочет бас, бьют огни, пол вибрирует под каблуками. Люди смеются, скандируют, кто-то уже полусидит на плечах друга – будто весь мир решил сегодня праздновать. Я удивленно осматриваюсь, уже и не помню, когда я была в подобных местах.

Марина даже не оборачивается – ей не нужно проверять, иду ли я. Она врывается в туалет, эффектно распахнув дверь, словно мы не в туалет заходит, а выходим на подиум.

– Марин... может... не надо... – вяло пытаюсь возразить

я.

– Заткнись, – профессионально заявляет она, уже доставая из клатча тушь, пудру и хайлайтер, бросая рядом с раковинной. – Сейчас ты будешь сиять.

Она быстро подтирает мне размазанную тушь, пудрит нос, подкрашивает губы. Я смотрю на себя в зеркало. Марина обнимает меня, прижимает своим лицом к моему, рядом с ней я выгляжу совсем ничтожно. Марина яркая блондинка, красная помада, ее глаза блестят, а мои потухли и кажется это произошло не сегодня. Я всегда следила за своей внешностью, но вот этот блеск... который есть в глазах Марины, его ни чем не вколоть. Когда я его потеряла? У меня ведь были цели, желания, амбиции, а теперь... Я не знаю как прожить без мужика, который унижает меня глядя в глаза.

– Всё. – Марина защёлкивает помаду. – Пошли. Надо выпить!

Мы возвращаемся в зал. Народу будто стало ещё больше. Все громко что-то обсуждают, кто-то танцует прямо у стойки, двигаясь так, будто никто никогда не стареет и не плачет. Все так непривычно, но когда-то и я была в таком же клубе и так же танцевала, словно есть только сегодня.

– Садись. – Марина усаживает меня на высокий барный стул. – Не сбегать. Я серьёзно. Я тебя все равно догоню и тогда волю в два раза больше!

Я уже открываю рот, чтобы взмолиться: Марин, ну пожалуйста, давай просто домой... Мне плохо... – но не успеваю.

Передо мной ставятся две стопки текилы. Рядом – четвертинки лайма и соль. Марина смотрит так, как будто собирается меня удочерить или убить – зависит от моего ответа.

– Выпиваем. Сразу. Потом все остальное.

– Я не могу... – шепчу я.

– Тебе сегодня можно всё. Особенно – выпить.

Я вдыхаю. Беру первую стопку. Выпиваю. Горло горит. Жар поднимается к голове. Вторая – легче. Может, потому что внутри уже огонь.

Я ставлю пустую рюмку. И вдругрываюсь:

– Он... мне сказал... что я никому не нужна! Что я старая! Что я без него – никто! Что рубля не получу! Что я должна... радоваться крошкам со стола!

Марина поднимает руку бармену:

– Ещё две.

Я продолжаю, голос срывается. Я ведь раньше никогда не жаловалась на Андрея, сор должен оставаться в семье. Даже о своих подозрениях молчала. Может стыдно было а теперь чего мне стыдиться?

– Я ему двадцать лет... троих детей... ночами с температурой... дни без сна... все праздники – его идеи... его карьера... его костюмы... Все я! Всё! А он...

Слёзы снова текут. Я не вытираю.

Марина берёт очередную порцию, ставит передо мной.

– Давай ещё. Чтобы говорить громче.

Я выпиваю вновь. Уже не считая. Но чем больше я говорю,

тем легче становится, словно вместе со словами уходит боль.

– ЧТОБЫ ОН СДОХ! – срывается у меня.

– ЧТОБЫ У НЕГО УПАЛ И БОЛЬШЕ НЕ ВСТАЛ! – добавляет Марина со злорадной энергией.

И мы смеёмся. Сквозь слёзы. Сквозь боль.

А музыка всё гремит. И впервые за весь вечер мне становится не так страшно. Потому что я не одна.

Мы пьём. Опять и опять. Я давно перестала считать – где-то после четвёртой... или восьмой? Музыка гремит, лица вокруг расплываются, как будто кто-то размазал. Я держу голову рукой, иначе она уедет куда-то в сторону.

– Марин... – лепечу я. – А может... он прав...

– Кто? – не понимает она.

– Ну... Андрей... – глотаю воздух. – Мне... сорок пять.

Ну куда я? Кому я нафиг нужна... старая...

Марина резко замирает. Потом медленно поворачивается ко мне, как хищник.

– Что ты сейчас сказала?

– Ну... – я моргаю. – Ну правда же...

– Старая? – гнев в глазах Марины пугает меня.

– Мариин... ну ты поняла...

– Заткнись-ка ты, пожалуйста. – её голос режет воздух. – Я вообще-то на полгода старше тебя. То есть ты сейчас только что назвала меня старухой?

– Да нет... я не... – бормочу я, пытаюсь оправдаться, но язык заплетается, мысли как пьяные коты дерутся в голове.

Но Марина уже перешла в наступление. Она гордо приподнимает подбородок:

– Я вообще-то три раза была замужем! ТРИ! – тычет тремя пальцами перед моим лицом. – И знаешь что? Ни в одном разводе я ни когда не думала «ой, кому я нужна». Я всегда говорила «пошёл к чёрту, заводите следующего!»

Она вдруг перестаёт говорить и смотрит куда-то за моё плечо.

Я моргаю. Поворачиваю голову. И вижу.

У барной стойки напротив – два парня. Лет дридцать, может больше, алкоголь размазывает лица. Спортивные, ухоженные, стильные. Они словно не отсюда, стоят отстранено, не танцуют, сдержанны, крутят в руках по стакану... с виски. Они как будто зашли сюда случайно, ну или их кто-то заставил как меня.

Марина щурится, как опытный снайпер.

– Так. – проскальзывает у неё хищно. – Сейчас вот те красавчики... – она делает ударение на каждом слове – нас будут угощать.

– Мариин... – шепчу я, – ты что...

– Молчи. – Её губы растягиваются в улыбке. – У нас начинается божественная терапия. Фаза вторая: подтверждение спроса.

Она ловко кивает одному из парней и он отвечает ей. Еще секунда и она уже возле них, показывает в мою сторону. Мне хочется провалиться сквозь землю.

Я просыпаюсь от того, что кто-то сверлит мне мозг дре-лю. Или это не кто-то. Это шум прямо внутри головы – гул-кий, вязкий, как будто в черепе поселилось целое стадо ба-рабанщиков.

Я не сразу понимаю, где я.

Потолок – высокий, белый, с мягкой подсветкой по пери-метру. Стены – в серо-бежевых панелях. Огромное окно в пол, наполовину закрыто плотными шторами. На тумбочке – не моя лампа. На стуле – не мой пиджак.

Я резко сажусь. Все похмелье как рукой снимает.

Гостиничный номер.

Дорогой. Современный. Слишком... чужой.

Тело подо мной касается чего-то мягкого – белоснежное постельное бельё, тяжёлое одеяло. Я ощущаю, как кожа со-прикасается... кожа? С ужасом смотрю вниз. На мне только нижнее бельё.

– Господи... – шепчу. Сердце поднимается к горлу.

Из-за приоткрытой двери ванной слышится шум воды. Ровный, размеренный. Кто-то там. Кто-то...?

Паника. Я хватаюсь за голову.

Ну надо же было! В самый худший день своей жизни – Пойти в клуб. Напиться. ДОИГРАЛАСЬ!

Я лихорадочно пытаюсь вспомнить. Маринка... парни...

один ушёл с ней... второй... как его... Всё плывёт, как будто кто-то перемешал память ложкой.

Ты что сделала, Ира?! В сорок пять лет – устроила себе вторую молодость? Или самое позорное утро в мире?

Нет. Я не буду ждать, пока он выйдет оттуда. Не буду смотреть ему в глаза. Не буду слышать, как он самодовольно говорит «Привет».

Я срываюсь с кровати. Пол холодный. Я на ощупь хватаю с пола своё скомканное платье, пахнущее алкоголем и чужим парфюмом. Торопливо заталкиваю ноги, чуть не падаю, пытаюсь попасть в него. Только бы успеть...

Параллельно тянусь к сумке, когда дверь ванной медленно приоткрывается. Я замираю. На пороге стоит мужчина.

Высоки, широкие плечи. Капли воды скатываются по его ключицам, по груди, по животу – идеальные кубики пресса. Полотенце держится на бёдрах лишь по воле случая. Кожа влажная, блестит словно отполированная. Я, не моргая, слежу, как одна капля медленно ползёт от его шеи вниз... исчезая в пушистом крае полотенца.

Господи.

Я только через пару секунд замечаю, что стою перед ним сама – в одном лифчике и трусиках, лишь на половину натянув на себя платье.

Я вскрикиваю от ужаса, дёргаюсь – и судорожно хватаю одеяло с кровати, обматываясь им так резко, что чуть не запутываюсь в ногах.

А он все это время смотрит на меня. Спокойно. Даже не моргает. Прижимаю одеяло к груди, будто щитом, и пытаюсь дышать.

Он слегка наклоняет голову, наблюдая за моей паникой. Его взгляд не похотливый. Не наглый. Скорее – внимательный. И почему-то от этого ещё хуже.

– Доброе утро, – произносит он низким, чуть хриплым голосом.

Я открываю рот. Но выходит только сип.

– Э-э...

Он делает шаг вперёд. Я – назад, едва не падая.

– Доброе утро, – повторяет он уже чуть тише и проходит мимо меня.

Он не ждёт моего ответа. Просто идёт к столу у окна, берёт стакан воды и залпом допивает. Все его движения – неторопливые, уверенные. Словно он всегда просыпается с полуодетыми женщинами в гостинице и они всегда паникуют.

Я стою, закутанная в одеяло как в кокон, и пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь.

Ничего.

Он ставит стакан, бросает на меня взгляд через плечо:

– Ты хоть помнишь, как меня зовут?

Я сглатываю.

– Э... Андрей?..

Одна его бровь поднимается.

– Серьёзно? – в его голосе даже не злость – скорее искрен-

нее разочарование. – Егор.

Щёки вспыхивают. Я ещё сильнее натягиваю одеяло до самого подбородка.

– Я... эм... просто... У меня голова...

– В курсе, – спокойно отвечает он. – Ты пыталась запить текилу шампанским. Я предупреждал.

Текилу? Шампанским? Я? Я никогда так не пью. Да я вообще крепче вина ни чего не пью! Не пила... Лет двадцать...

– Слушай... – выдавливаю я, ощущая, как дрожат губы. – Нам... эээ... между нами... ну...

Он медленно поворачивается ко мне лицом.

И смотрит.

Долго.

Слишком долго.

Я уже готова упасть в обморок от стыда.

И только потом он произносит:

– А ты как думаешь?

У меня перехватывает дыхание.

– Я... не помню.

Он делает шаг ко мне. Я снова пятюсь, прижимая одеяло, как арестант – единственную собственность. Егор останавливается, чуть прищуривает карие глаза.

– Расслабься, – повторяет он, протягивая бутылку воды мне. – Я не сплю с полуживыми.

Я моргаю.

– С... кем?

Он отворачивается и направляется к окну.

– С такими, как ты вчера. Когда человек вроде как жив, но координация движений отсутствует, а глаза смотрят в разные стороны.

Я проваливаюсь в пол, ну или очень хочу этого. Вообще не плохо было бы если сейчас бы прилетел метеорит, прямо в меня.

Марина. Бар. Текила.
Пара мужчин у стойки – один в рубашке, второй... вот он. Егор. Высокий, самодовольный. Я ещё подумала: “слишком уверенный в себе.”
А потом... всё как в тумане. Музыка. Смех. Марина куда-то пропала с блондином, а я – в такси. С ним. С Егором.

– Почему... я в белье? – шепчу я, чувствуя, как голос дрожит.

Егор даже не моргает:

– Потому что ты пыталась исполнить стриптиз. – Он проносит это так буднично, будто сообщает прогноз погоды. – Начала с того, что заявила: «Смотри, как я умею.»

– Я такого не говорила! – вспыхиваю я.

– Хочешь – могу процитировать с интонацией, – добивает он абсолютно серьёзно. – Особенно момент, где ты попыталась стянуть платье через голову, но запуталась и заорала: «Я застряла! Спасай, витязь!»

Я сгораю от стыда.

– Господи...

– Он тут ни при чём, – сухо замечает он. – Если кого и

винить – то текилу. Хотя ты держалась достойно. Пока не рухнула, словно тебя кто-то огрел по голове.

Я закрываю лицо рукой и мысленно молюсь про себя.

– Значит... – я сглатываю. – Между нами ничего... не было?

Он хмыкает, чуть усмехаясь:

– Поверь, если бы было – ты бы проснулась без белья. Ну и наверное, не забыла бы, хотя... Текила, шампанское... – Я подавлюсь воздухом. – Расслабься. Я не герой-спасатель и не некрофил. Просто уложили тебя спать.

Меня. Просто уложили? Как ребёнка?

Я осознаю весь позор ситуации – и почему-то, несмотря на стыд, впервые за сутки хочу... жить, смеяться или плакать, но не умирать. Расправляю плечи и делаю вид, что мне всё равно, хотя внутри – каша.

– Спасибо, Ты поступил как джентльмен. Я оденусь и уеду, – говорю коротко.

– Быстро расту. Еще ночью я был витязем, а теперь джентльмен, – усмехается он и встает.

Я не сразу понимаю, что происходит, пока мой взгляд не упирается прямо в его обнаженные ягодицы!

– Ты что творишь?! – я взвизгиваю, отворачиваясь в сторону стены и вцепляясь в одеяло, словно в бронежилет. – Немедленно оденься!

– Успокойся, – голос Егора становится неожиданно серьёзным, лишённым привычной усмешки. – Подожди пару

минут. Я отвезу тебя домой.

– Я... – прокашливаюсь. – Я сама уеду! – огрызаюсь, стараясь говорить твёрдо, но голос всё равно дрожит.

– Конечно, – спокойно отвечает он за моей спиной. Слышу шелест одежды. – Вчера ты тоже сама шла, пока бордюр не стал у тебя на пути.

– Это неправда! – я сжимаюсь ещё сильнее.

– Ага, – протягивает он, явно не веря ни на грамм. – Всё, не ори. Я через минуту. Ты же не поедешь в порванном платье.

Порванное? Я стою, не двигаясь. Щёки горят так, что, кажется, можно прикуривать. Я чувствую себя не женщиной – кусочком угля.

Вот как так? Вчера я была замужняя женщина... сегодня – полубезумная дура под одеялом, у которой муж изменяет, а какой-то наглец разгуливает голым и раздаёт указания.

Но я всё равно стою, натягивая лямки платья под одеялом. Осматриваю платье, несколько крупных дырок, подтеки всех цветов.

– Можешь повернуться и одеться, – командует Егор и я настороженно подчиняюсь.

Он натягивает тёмные джинсы одним резким движением, потом берёт белую рубашку, накидывает на плечи, не спеша застёгивает пуговицы, оставляя верхние две расстёгнутыми. Закатывает рукава до середины предплечья – уверенным, отточенным движением. Не для удобства. Для стиля.

На тумбочке лежат часы, защёлкивает их на запястье. Тяжёлый золотой корпус. Не позолота. Оригинал.

Я почему-то замираю, чувствую себя еще хуже, чем пару минут назад завернутая в одеяло.

– Поехали, – говорит он спокойно доставая мою шубу из шкафа и помогая мне ее надеть. Сам же берёт с вешалки длинное кашемировое пальто, тёмно-серое, оно идеально садится на его плечи.

Я стараюсь идти ровно, но каждый шаг ощущается как позор. Подол моего платья – испачкан, помятый, будто я по асфальту ползала. Волосы – спутаны так, что лучше даже не трогать. Я укутываюсь в шубу, словно могу спрятаться в ней целиком, стать мягким серым комком и исчезнуть.

А рядом... Он. Спокойный и уверенный.

Выходим на улицу, я стараюсь не смотреть по сторонам, хватит с меня позора, не хочу видеть чужие осудительные взгляды.

Начало декабря воздух уже кусается холодом, я прячу лицо в воротник шубы, а Егор словно не чувствует холода, даже не застегивает пальто. Он выглядит как человек, который сам регулирует температуру окружающей среды.

Егор нажимает на брелок и Внедорожник бизнес-класса, чёрный, блестящий, с темными стёклами, мигает нам фарами.

Я прокашливаюсь, такую машину я видела только у своего бывшего директора, конечно не редкая модель, но безумно

дорогая.

Он обходит машину, открывает переднюю дверь.

– Садись, – спокойно, будто это само собой разумеется.

Я почему-то теряюсь.

– Я... сама... – лепечу.

– Не сомневаюсь, что ты умеешь открывать двери, – он отвечает без усмешки, но с оттенком иронии. – Но сегодня – я уже джентльмен.

Недовольно вздыхаю, но не спорю.

Егор помогает мне сесть, аккуратно придерживая за плечо, словно я сделана из стекла. Шуба топорщится, платье мнётся, а я всё равно чувствую себя... как будто меня посадили на трон, хотя выгляжу как человек, сбежавший из пожара.

Он закрывает дверь – мягко, без хлопка.

Я смотрю, как он обходит капот, садится за руль.

В салоне – тепло, мягко, играет какая-то лёгкая инструментальная музыка, не раздражающая, а наоборот – будто всё вокруг упаковано в вату.

Егор вводит адрес который я ему назвала, заводит мотор и не спеша выезжает на дорогу.

Он молчит. И я молчу. Тишина, дорога, дает мне время подумать как быть дальше. Что делать. Все так просто и в тоже время сложно. Мне страшно за детей, как они воспримут наш развод... У них такой сложный возраст, сыновьям девять и двенадцать, если их выдернуть из привычной сре-

ды не понятно как они будут вести себя, начнут драться, забросят учебу, я не смогу без них, но не хочется им ломать привычный устрой жизни. А если я их оставлю с Андреем, то они решат что я их бросила, да и кто знает что придумает Андрей... Встряхиваю головой, чем больше думаю, тем сильнее запутываюсь. С дочерью конечно проще, Ксюше уже семнадцать, сама себе на уме, только и думает, как уехать от нас подальше, специально ищет универ в Москве.

Выдыхаю, часто моргаю, отгоняя от себя все мысли. От таком лучше думать на свежую голову. Да и что я решу, надо поговорить с Андреем и решить вопрос мирно. Двадцать лет все-таки. Вчера мы оба были на эмоциях, может быть сегодня мы сможем нормально поговорить.

Смотрю в окно. И вижу – мой дом. Серый, знакомый, родной до боли.

– Останови здесь, – быстро говорю. – Прямо здесь.

Егор бросает взгляд на навигатор.

– Мы ещё не приехали.

– Я сказала – останови. Здесь.

– Я тебя к подъезду доведу.

– НЕ НАДО! – голос срывается. – ОСТАНОВИ!

– Ирина. – Его тон становится сухим. – Я доведу тебя до места.

Я резко разворачиваюсь к нему. И, не зная чем ещё прикрыться, выпаливаю:

– Я вообще-то замужем!

Секунда тишины. Потом уголок его губ медленно поднимается.

– За тем кобелем?

Меня будто обливают ледяной водой. Я открываю рот. Закрываю. Снова открываю.

– Я... Я не... откуда... ты...

– Ты мне вчера всё подробно рассказала, – невозмутимо отвечает он.

У меня перехватывает дыхание. Что я ему вчера нарасказывала?!!

Егор коротко хмыкает и наконец жмёт на тормоз. Машина плавно останавливается. Он не глушит двигатель – просто наклоняется ближе.

Я автоматически отодвигаюсь к двери, но он не приближается физически – только смотрит прямо в глаза. Спокойно. Внимательно. Слишком честно.

– Не надо больше пить и реветь из-за него. Он того не стоит.

Что-то внутри выворачивается.

Егор выпрямляется, открывает дверь и выходит.

Я сижу, всё ещё ошарашенная – и только теперь замечаю, где он припарковался.

Мой дом.
 Мои окна.
 Машина мужа во дворе.

– Боже... – выдыхаю я. – Нет. Нет-нет!

Дверь с моей стороны открывается.

– Прошу, – Он подставляет руку, как настоящий джентльмен.

– Я же просила НЕ ПОДЪЕЗЖАТЬ! – взрываюсь я, вылетая из машины, как ошпаренная.

Буквально перепрыгиваю через его руку, цепляюсь каблучком за бордюр, чуть не падаю – но каким-то чудом удерживаюсь. Бегу к подъезду, дергаю дверь, влетаю внутрь.

Только там, за металлической дверью, прижавшись спиной к холодной стене, я наконец осознаю, как бешено бьётся сердце.

И как всё дрожит.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Выдыхаю. Может никто и не заметил, что я помятая приехала на чужой машине. Да и вообще кому какое дело! А если Андрей увидит? Ему уж точно все равно... Хотя внутри появляется какой-то злорадство, может я бы и хотела чтобы он увидел.

Поднимаюсь по ступеням почти как мышь – тихо, стараюсь не стучать каблуками, чтобы не привлекать лишнего внимания. В лифте – пусто. Вглядываюсь в своё отражение и не узнаю женщину: румянец ушёл, глаза большие и усталые.

Двери лифта открываются почти бесшумно, и я выхожу на свой этаж. По коридору иду медленно; оглядываюсь, словно кто-то меня поджидает. Подходя к моей двери, я ощущаю, как ладони начинают липнуть от пота. Сердце стучит не ровно – будто оно пытается сбежать из груди.

Ключ в замке. Тихой поворот. Нажимаю на ручку, и дверь открывается. В квартире светло: дневной свет заливает гостиную. Тишина. Ничего не шуршит, не звенит, не дышит. Пусто. Хотя чего я ожидала? Дети у моей мамы, мы же хотели с Андреем побыть вдвоем. А мой муж наверно, на радостях загулял. Зачем ему вообще домой приходить, ведь теперь я знаю правду.

Я бросаю ключи в миску у входа, снимаю туфли, оставляю их аккуратно у порога. Снимаю шубу и иду по коридору.

ру. Сердце всё ещё колотится, но немного тише; я начинаю думать, что, может, он действительно уехал, что это было всё – и теперь можно просто сесть и ждать, пока боль утихнет.

И в тот момент, когда я почти разрешаю себе вдохнуть с облегчением, кто-то рядом делает шаг и голос, низкий, ровный, прерывает мою надежду.

– Ты вернулась.

Я стою, как вкопанная, не решаясь повернуть голову.

У меня будто ток проходит по позвоночнику – все мышцы сжимаются разом. Я чувствую, как мелкая дрожь пробегает по телу, будто я стою под холодным душем. Я медленно, очень медленно поворачиваю голову.

Андрей стоит в проходе гостиной – высокий, собранный. На нём свежая рубашка, идеально выглаженная, рукава закатаны на манжетах. Но самое страшное – глаза. Тёмные, тяжёлые, как грозовые тучи. Не просто злые – ими можно давить. И он давит. Не говоря ни слова.

Я невольно отступаю на шаг назад. В висках начинает гудеть.

– Я... – голос предаёт, срывается. – Я только...

Я не успеваю договорить.

Он бросается вперёд с неожиданной резкостью, как будто больше не намерен терпеть ни одного моего слова. Его рука хватает меня за плечо. Больно, до костей, я не успеваю даже вскрикнуть, как он резко, грубо швыряет меня в стену.

Воздух вылетает из лёгких. Я ударяюсь лопатками и за-

тылком, и мир на секунду расплывается. Я зажмуриваюсь – не от боли даже, а от шока. Он стоит совсем близко, дышит тяжело, как будто я – его враг.

– Ты хоть понимаешь, – рычит он, – Как ты меня выставила перед людьми вчера?!

Я моргаю, пытаюсь сфокусироваться, и вижу его лицо – красное от злости. Челюсть сжата так, будто он готов её сломать. Глаза сверкают – не болью. Не раскаянием.

Злостью.

– Там был мой директор! – буквально выплёвывает он слова. – Мой директор, Ирина! После твоего цирка мне пришлось придумывать отмазки, где моя безмозглая жена! А Старков вообще поинтересовался – всё ли у меня в семье нормально! Ты хоть понимаешь, что ты сделала?! Ты дура! Идиотка! Не можешь вести себя нормально!

Меня глушит от ужаса и... недоумения. Он действительно... про это?

– Ты... ты злишься из-за... гостей? – я не узнаю свой голос, он тонкий, охрипший.

– А из-за чего мне ещё злиться?! – он вскидывает руки. – Ты устроила сцену! Выбежала, как психопатка! Догадываешься, что все подумали? Или мозгов не хватает? Я выглядел из-за тебя как придурок! Ты хоть понимаешь, как это может отразиться на мне?! А на тебе?

Я смотрю на него. Он не спрашивает, где я была. Не спрашивает, как я. Не спрашивает – что со мной. Он вообще не

спрашивает ничего обо мне.

Он обвиняет.

Я сглатываю и едва дышу от нахлынувшей горечи.

– А ты... – слова вылетают прежде, чем я успеваю подумать. – Ты... вообще... не хочешь спросить, где я... провела ночь?

Повисает тишина.

Андрей вдруг замирает... и медленно – очень медленно – усмехается. Не весело. Не с иронией. А так, будто ему стало всё понятно.

– Слушай, – он качает головой, как будто устал от моего существования. – Не надо тут передо мной гнаться и изображать что-то.

Я моргаю. Не сразу понимаю.

– Ч-что...?

Он смотрит на меня с жалостью. Настоящей. Только не ко мне – к себе. Типа, вот какой крест он несёт.

– Ты правда думаешь, – он медленно складывает руки на груди, – что я тебя ревновать буду? Что я буду переживать не присунул ли тебе кто-то? – Сердце останавливается. Он оглядывает меня... сверху вниз. Презрительно. Как будто я – мусор, который сам полез обратно в дом. – Ты себя видела? – Я на секунду перестаю дышать. Смотрю на него, не веря в то, что слышу. – Я – он ставит ладонь себе на грудь, – я – лучшее, что у тебя вообще может быть. Понимаешь? Лучшее. Вот весь твой максимум. Ты должна благодарить меня,

что я вообще с тобой живу.

Сердце сжимается, будто в кулак.

– Ты... – слова с трудом пробиваются через комок в горле. – Ты даже...

– Что? – он фыркает. – Даже что?

Я не могу. Он продолжает, не дав мне и секунды.

– Что думала, заставишь меня переживать? Останешься у своей подружки-шлюхи Марины и я вдруг запаникую, что могу потерять тебя?. Где же ещё? – он вспоминает что-то и усмехается ещё шире. – Хотя... Ты и сама далеко от неё не ушла. Если и дальше будешь себя так вести, то и пойдешь на панель.

– А я и так на панели, – я твердо смотрю мужу в глаза. – Даже со шлюхами обращаются лучше чем ты со мной!

Он усмехается и делает шаг назад.

– Какая же ты тупая все-таки. – Он произносит это медленно. Чётко. Будто ставит печать.

Я стою, как вкопанная.

Горло болит. В глазах щиплет.

Внутри меня – что-то ломается. Не как раньше – когда обида накапливалась, болела... и потом я снова всё прощала.

Нет.

Сейчас – именно ломается. Как будто огромная бетонная колонна внутри меня дала трещину... и всё здание – пошло вниз.

Я смотрю на Андрея – и вдруг понимаю. Он всегда был та-

ким. Просто раньше – улыбался, когда унижал. Все оскорбления и упреки были хорошо замаскированы. Столько мелочей, на которые я закрывала глаза. Всегда. Потому что "ну характер у него такой", "я просто не так поняла", "просто настроение у него плохое".

Но сейчас – он даже не притворяется.

Смотрит на меня как на мусор, который полез спорить. И я – взрываюсь. Ведь я прощала многое, закрывала глаза, все так живут. Вот только я никогда не смогу простить измену! Возможно это единственное с чем я никогда не смогу согласиться!

– ТЫ... – голос дрожит, но я уже не могу остановиться. – Ты вообще понимаешь, что ты несёшь?! – Он удивляется – будто я собака, которая вдруг заговорила. Я толкаю его в грудь. Силы мало – но сам факт. – **ДВАДЦАТЬ ЛЕТ!** – кричу я. – **ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ Я ЖИВУ ТОЛЬКО ТОБОЙ!** – Он морщится, но я уже не смотрю на него. Я выплёскиваю всё. – Я – варила тебе, стирала, рожала, сидела дома, бросила работу, потому что ты сказал, что так лучше для семьи! Я жила твоими интересами, твоим комфортом! Я – забыла вообще, кто я! – Я делаю ещё шаг вперёд. – И что я получила в ответ?! – Он молчит, в шоке от того что у меня прорезался голос. – Гулящего мужа?! **ПРИДУРКА**, который возомнил себя **НЕПОЙМИ КЕМ?!** – слёзы уже текут, но это не слабость – это ярость. – И тебе, дорогой мой муж, – я шиплю каждое слово, – тоже не восемнадцать лет! Но ты же возомнил себя

павлином, когда на самом деле всего лишь общипанный петух! Да ни кто не понимал, почему такая как я связалась с таким как ты! Может мне и сорок пять, но найдется тот кому я нужна и в сорок шесть, и с тремя детьми!

– Правда, да? – он злобно ухмыляется, как будто его не задели мои слова. – Нашла кого-то в баре? Или тот, с кем ты шлялась сегодня утром? Ты думаешь, я в серьез поверю, что ты можешь заинтересовать кого-то кроме бомжа? Ты себя видела? Только деньги мои тратишь! А все ради чего? Чтобы я тебя приревновал и понял какое чудо я теряю?

– Как меня это все достало! Каждый раз! Каждый раз ты унижаешь меня, оскорбляешь! Я от тебя ни одного доброго слова не слышала! Только если это доброе слово не несет очередную порцию унижения во благо семьи! С меня хватит! Все! Я больше ни дня с тобой не проведу! – от злости темнеет перед глазами. – Считай, что ты избавился от старухи и клуши! Просто выиграл в лотерею!

Этого хватает, чтобы его лицо перекосило. Он вскипает. Резко хватая меня за плечи – и швыряет к стене. Я ударяюсь затылком и спиной, воздух вылетает из лёгких. Андрей нависает надо мной, словно коршун, а второй рукой хватая за шею и сдавливая так чтобы я ощущала нехватку кислорода. Глаза – чёрные от ярости.

– Заткнись. – Произносит он тихо, его губы едва шевелятся. – И даже не вздумай пискнуть. – Мне становится страшно, внутри все сжимается, я еще пытаюсь смотреть ему в гла-

за уверенно, но начинаю жалеть о своем порыве. – Развода не будет. – Говорит он медленно. – Ты будешь делать всё, что я скажу.

Я пытаюсь сказать что-то, но Андрей он наклоняется ближе и я замолкаю.

– Потому что иначе... – пауза. Он смотрит прямо в глаза. – Я стану вдовцом.

Я замираю. Секунду – я думаю, что ослышалась. Но нет. Он смотрит так, что я понимаю. Он не шутит. В этот момент мне кажется – если я сейчас вдохну слишком громко... он сделает это.

И тут я понимаю, что он сильнее меня, у него больше власти. Просто так громко хлопнув дверью я не смогу уйти, если он этого не захочет. Я понимаю, что сейчас я должна уступить, чтобы найти момент и нанести ответный удар.

– Ты поняла меня? – спрашивает Андрей.

Я медленно киваю. Он доволен. Думает, что сломал меня. Отходит, будто ничего не было. Берёт со стола чашку, делает глоток. Спокойно, как будто только что не угрожал мне.

– А теперь, – говорит он, не глядя на меня, – приведи себя в порядок. И подумай о будущем, дорогая жена.

«Дорогая жена». Он даже улыбается.

Я не отвечаю. Аккуратно отлепляю себя от стены, не чувствую ног. Медленно поднимаю руку к горлу, где до сих пор ощущаю его пальцы.

Андрей смотрит на меня холодно, как судья, и говорит

спокойным, ровным голосом – тем, который всегда срабатывал лучше любого крика:

– Приведи себя в порядок. Помой лицо, переоденься. Позвони всем – извинись за вчерашнее, придумай нормальное оправдание. И в первую очередь – Матвею Сергеевичу. Его номер у тебя есть. Не тяни с этим.

Слова звучат как приговор и как команда одновременно. В ушах гудит от той тишины, что оставил после себя его голос. Я стою в коридоре и смотрю, как он спокойно разворачивается и уходит в сторону комнаты – как будто разговор окончен и его ничего не тревожит, словно ни чего не произошло и мы все продолжаем прекрасно жить дальше.

В груди всё сжимается и тянет вниз.

Я иду в ванную. В зеркале – бледное отражение женщины, которую я едва узнаю. Действую по инерции: умываюсь холодной водой, привожу волосы в порядок. Каждый жест – будто подпись под договором, который я не читала. Но так проще, мне кажется, что я сейчас вновь сорвусь упаду на керамический пол и буду рыдать, испытывать жалость к себе, как когда-то давно, когда Андрей ударил меня, это было всего один раз, и конечно я простила. Ведь тогда я была сама виновата, сама позволила себе сказать лишнего при его друзьях. «Не умею держать язык за зубами», «как меня угораздило жениться на такой безмозглой курице?». Тогда я тоже ополоснула лицо холодной водой и упала плакать, а потом пришла жалость к себе и понимание что я никому такая не

нужна... Но в этот раз так не будет! Он больше не сможет
влиять на меня!

Когда я выхожу из ванной, Андрей уже ждет меня на кухне. На столе лежит мой мобильник, а дорогой муж строго смотрит на меня скрестив руки.

Делаю глубокий вдох, сажусь спиной к Андрею, чтобы не видеть его лица, и набираю номер Матвея Сергеевича. Мне очень нравится директор Андрея, а когда-то и мой. Он добрый, отзывчивый и понимающий мужчина, хотя многие о нем отзываются совсем иначе, но мне всегда он казался именно таким и меня иногда удивляет, что Андрей так боится его.

Гудки тянутся слишком долго, я изредка поглядываю на Андрея.

– Ирина? – слышу я тёплый, удивлённый, чуть настороженный голос. – Это вы?

– Да, здравствуйте, Матвей Сергеевич... Простите, что беспокою...

– Вы как? – перебивает он сразу. – Где вы? Всё ли в порядке? Что вчера произошло?

Я зажмуриваюсь. Нужно держаться, но голос Матвея Сергеевича такой обеспокоенный, что мне хочется все ему рассказать.

– Всё хорошо. Простите за вчерашнее. Мне... стало плохо.

– Плохо? – в его голосе тревога, чуть не паника. – Вы сейчас с врачом? Вам помощь нужна? Скажите адрес – я сейчас же отправлю своего знакомого, он отличный терапевт...

– Нет-нет, правда, не нужно... уже всё нормально...

– Ира, – его голос становится чуть грубее, – Вы говорите "нормально", а звучите так, будто еле стоите. Если вам нужна помощь... Вы только скажите! Я... Я могу сам приехать, – Я молчу. Горло сжимается. Слова застревают, как ком. – Я очень испугался, когда вы убежали. – он говорит тише. – Андрей сказал, что вам стало плохо... но он выглядел... мягко говоря, не как человек, который волнуется. Я хотел сам вас догнать, но... – он тихо выдыхает. – Посчитал это неприличным и сказал Андрею... Я сделал, что-то не так? Я видел как вы ссорились вчера...

Сердце дергается. Я не готова слышать заботу.

– Простите, – шепчу я. – Не хотела... чтобы кто-то переживал. Андрей просто сильно расстроился, а я хотела вернуться, но он настоял чтобы я ехала домой. Вот и немного повздорили.

– Мне так неловко перед Матвеем Сергеевичем, я лгу да еще так неправдоподобно. Выгораживаю своего великолепного мужа, которого хочется прирезать.

– Ира, я серьезно сейчас. Если вам понадобится что угодно – помощь, поддержка, совет... хоть среди ночи – вы знаете, что можете на меня рассчитывать. Я приеду сам, я... – он замолкает на секунду, потом снова мягко, но твёрдо: – Я

всегда буду рад услышать вас голос.

Я закусываю губу. Всем телом держусь, чтобы голос не дрогнул.

– Спасибо. Вы... вы очень добры. Простите ещё раз за беспокойство. Хотела только извиниться за...

– Нечего извиняться, – твёрдо произносит он. – Вы ни в чём не виноваты.

Слёзы подступают к глазам. Чёрт. Так сложно слышать заботу. Я вспоминаю как пришла на работу, двадцать три года назад, как он учил меня, как поддерживал. Сам директор компании приходил проверить мою работу! Это было так волнительно... Тогда он еще был женатым мужчиной, но все женщины вокруг были от него без ума, но слухов ни каких не ходило.

– Я... всё равно должна. Простите... и спасибо, что... что вы есть.

– Это я благодарен, что вы позвонили. – он говорит уже почти шёпотом. – Берегите себя. Если Андрей... – он замолкает, будто сдерживается. – Если что-то пойдёт не так – звоните мне первой. Договорились?

Я киваю, хотя он не видит.

– Договорились.

– Вот и умница.

Я заканчиваю звонок – и только после этого позволяю себе выдохнуть. В груди всё стягивается, будто кто-то крепко обнял... Не все мужчины – как Андрей. А ведь когда-то он

казался мне лучшим мужчиной на свете.

Я опускаю телефон на стол и замираю. Тишина. Только моё дыхание – сбивчивое, рваное.

Почему чужой человек – пусть даже знакомый, пусть уважаемый – говорит со мной теплее, чем тот, кто называл меня любовью жизни?

Почему мужчина, с которым я не прожила и дня, звучит искреннее, чем тот, кому я родила троих детей?

Почему Матвей Сергеевич волнуется за меня – а Андрей волнуется только за то, что о нём подумают?

Неужели я всю жизнь так и прожила – рядом с человеком, который ни разу... ни разу... не спросил, как я на самом деле?

Телефон гаснет в моей руке. Я сжимаю его, будто спасательный круг. Если бы я рассказала ему... Он бы помог мне? Или встал бы на сторону Андрея? И я бы только усугубила свое положение.

И в этот момент – тепло у затылка. Я вздрагиваю. Я не слышала ни шагов, ни дыхания. Он просто был – как тень. Как хищник, наблюдающий из-за угла.

– Вот и умничка, – произносит он довольным, расслабленным голосом, будто ничего не было. – Видишь? Можешь же жить без сцен и быть послушной.

Касается губами моей макушки. Как будто только что не швырял меня в стену. Как будто не угрожал стать вдовцом.

– Так держать, дорогая, – добавляет он целует в щеку и

одобрительно сжимает мои плечи, словно напоминая что он тут главный.

Я не двигаюсь. Он думает, что сломал меня. Пусть думает. Но внутри уже не осколки – внутри лезвие. Телефон вздрагивает в руке. Я вздрагиваю вместе с ним.

Марина.

– Ну?! – орёт она сразу как только я принимаю вызов. – Ты живая там вообще?! Я тебе уже тридцать раз звонила! Как ты? Как всё прошло? Он тебя довёз нормально?

– Тише... – шиплю я, оглядываясь на коридор. – Потом...

– Какой потом? – фыркает она. – Ты понимаешь, я тут вообще спать не могла, всё думала – трахнула ты его или нет?!

– Марина! – чуть не вскрикиваю, зажимая рот ладонью. – Тихо!

– Да ладно тебе! – не унимается она. – Если твоему этому кобелю можно трахать всё, что движется, то что мешает тебе?!

Я... не успеваю сдержаться. Улыбаюсь.

– Мы... не спали, – отвечаю, едва слышно.

На том конце – пауза. Потом возмущённый стон.

– Ну воооот!

Я тихо смеюсь... и сразу глотаю этот смех обратно, как яд.

– Ладно, Марин... – выдыхаю я, всё ещё улыбаясь краешком губ. – Мне ещё маме надо позвонить. Я только пришла.

– Только пришла?! – Марина взвизгивает так, что я отдё-

гиваю телефон от уха. – В смысле – только?! Ты что, ВСЮ НОЧЬ с ним была?!

– Я перезвоню...

– Не-не-не! Подожди! Так вы что делали? В карты играли?! Или в крестики-нолики?! Ира, ну не расстраивай меня! Он же десяточка! Это ВЫШКА! Это как выиграть джекпот, ИРА...

Я сбрасываю звонок. Не потому что не хочу её слышать. А потому что разговор с Марией делает время легче. Рядом с ней можно забыть обо всем, а я сейчас не хочу ничего забывать.

Я открываю контакты. Секунда паузы.

Мама.

Тяну палец. Нажимаю.

– Ирочка? – в трубке сразу тревога. – Доченька, что случилось? Почему ты не брала трубку? Андрей звонил, спрашивал, у меня ли ты? Я тебе сто раз звонила! Где? Что с тобой? Куда...

– Мам... – перебиваю, чувствуя, что голос дрожит. – Мам, послушай. Всё хорошо. Правда. Просто... Ну... Все сложно.

Пауза. Я знаю этот вдох. Она уже всё поняла. Я не хочу объяснять. Не сейчас. Не ей. Не так.

– Мам, мне нужно... чтобы дети побыли у тебя ещё пару дней. Ладно?

– Ира, – голос становится мягким, как плед. – Андрей, что-то сделал?

– Мам, – строго произношу я. – Просто небольшие проблемы. Мы все же двадцать лет живем! Ну чуть повздорили.

– Он тебя ударил? Если да, то бери вещи и уезжай! Я тебе в прошлый раз говорила, что это повторится!

– Мам, все нормально. Меня ни кто не бил. Нам с Андреем нужно кое-что решить, а там уже будем думать дальше.

– Все так серьезно?

– Достаточно, – выдыхаю я. – Но я разберусь.

Пауза. Секунда. Две.

– Хорошо, – тихо говорит она. – Только... если будет тяжело – сразу приезжай! Ты поняла меня? Ни о чем не думай, бери вещи и сразу приезжай!

Я закрываю глаза.

– Ладно.

Звонок заканчивается. Я стою посреди кухни, босиком. В квартире тихо. Слишком тихо. Но впервые... тишина не давит. У меня есть ещё время. И, чёрт возьми... Я не кукла.

Я подхожу к окну.

Смотрю вниз – на детскую площадку, на припаркованные машины, на обычный дворовой день. Самый обычный. И внутри всё обрушивается ещё сильнее.

Что мне делать?

Имущество – пополам. Квартиры, счета, машина – всё можно разделить. Закон на моей стороне. Но а что если он правда что-то придумает и все достанется ему? А дети? Я что, должна схватить их и сбежать? Куда – в съёмную ком-

нату? К маме в трешку? В гостиницу?

А если останусь здесь... он же начнёт их настраивать против меня. Из подтишка, как он умеет. «Мама истеричка», «мама виновата», «мама нас бросила».

Нет.

Я не побегу.

Я даже улыбаюсь своему отражению в стекле. Я не собираюсь бежать, как преступница. Это он преступник, не я.

Развод ему невыгоден. Всё, что он строил – дом, репутация, «идеальная семья» – рассыплется. Он грозился меня убить... но хватит ли у него духу убить меня, если он как огня боится развода?

Мысль абсурдная – и оттого смешная.

Боишься потерять статус, но готов сесть за убийство? Ну-ну.

Значит, у меня есть время. Я найду выход. Правильный. Такой, чтобы всё было по моим правилам.

Я всё ещё смотрю в окно, когда слышу позади шаги. Даже не оборачиваюсь – знаю, кто.

Руки ложатся мне на талию. Я чувствую, как кожа под его пальцами покрывается мурашками – не от нежности, от отторжения. Хочется дёрнуться, отскочить, вырваться... но я стою.

Он прижимается ко мне лбом, целует в висок.

– Слушай... прости, что вспылил. Нервы, работа, празд-

ник... – Голос мягкий, тягучий, обволакивающий, как яд в мёде. Вдыхает, как будто и сам устал от себя. – Но ты ведь сама виновата. Знаешь, как мне было неприятно?

Нежно. Ласково. С любовью делает меня виноватой. Как всегда. Я не отвечаю. Просто киваю. Словно согласна. Словно смирилась.

Он облегчённо выдыхает. Будто я сняла с него тяжесть.

– Мне нужно на работу, – говорит он уже обычным тоном. – Там срочно...

– Можешь больше ничего не придумывать, – отвечаю резко и хладнокровно.

Он улыбается. Самодовольно. Вижу его отражение в стекле.

– Я знал, что ты поймёшь.

Разворачивается, идёт к выходу. Я думаю, что он уже ушёл – но он останавливается в дверях, бросает через плечо:

– И сними это платье уже, приведи себя в порядок. Я не хочу смотреть на жену, которая выглядит как шлюха, – но меня не задевают его слова, даже внутри ни чего не дрогнуло.

Уходит. Щелчок двери. Я всё ещё смотрю в окно, но внутри уже не пусто. Внутри горит. Мне и самой хочется избавиться от тяжести вчерашнего дня. Захожу в ванную комнату, платье сразу летит в мусорку.

Горячая вода бьёт по коже, будто стирая все прикосновения, крики, слёзы.

Моюсь долго, до красноты. Пока не перестаю чувствовать

себя грязной. Пока не становится всё равно. Потом – полотенце, халат. Волосы в пучок. Я сажусь за стол, беру ноутбук.

Работа. Мне нужна работа. Деньги. Независимость.

Открываю сайт с вакансиями. Заполняю фильтры.

Возраст: 40+. Опыт: перерыв 15 лет.

Улыбаюсь сама себе. Горько.

Кому нужна сорокалетняя женщина, которая 15 лет варила каши и стирала рубашки?

Я всё равно листаю. Откликаюсь на пару. Даже знаю, что не перезвонят.

Читаю ещё. Нахожу курсы по бухгалтерии, SMM, оформлению маркетплейсов. Может, переквалифицироваться? Сохраняю ссылки. Закрываю. Открываю снова.

Часы проходят как в тумане.

Может, открыть свой маленький бизнес? Пекарню? Курсы английского? Салоны?
Что угодно... но все это кажется не реальным.

В какой-то момент понимаю – я просто смотрю в экран уже полчаса, даже не моргая.

Глупо всё это. Я ничего не умею. Ничего не получится.

Разум затуманен, вчерашний алкоголь, бессонная ночь, да и впечатлений мне хватило на целую жизнь. Я иду в спальню и просто падаю на кровать. Отключаюсь, наверно, сразу как моя голова касается подушки.

В районе трёх ночи слышу, как щёлкает замок входной двери.

Андрей тихо заходит в спальню.

– Ты спишь? – шепчет.

Я не двигаюсь. Делаю вид, что сплю. Он какое-то время стоит. Потом вздыхает и идёт в ванную. Слышу, как льётся вода. Он возвращается и ложится рядом. Кровать чуть пружинит. От него пахнет душем, гелем и... сладкими женскими духами.

Раньше бы меня обожгло. Я бы сжалась, разрыдалась, спросила «кто она?».

А сейчас – пусто.

И даже... хорошо. Гуляй. Наслаждайся... А я пока решу как мне быть дальше. Как говорили на курсах самообороны, главное эффект-неожиданности.

Я думаю, что не смогу уснуть. Всё тело напряжено, как струна.

Но усталость тяжёлая, вязкая. Она смывает напряжение, в моей голове еще роятся мысли что я должна делать и кажется, кое-какие даже дельные, но в какой-то момент я проваливаюсь.

Утро. Все как обычно. Кофе. Каша. Тосты. Я двигаюсь автоматически. Режу банан детям – хотя детей нет. Я словно мысленно не здесь, все ищу выход, и чем больше думаю, тем сильнее загоняю себя в тупик. Мне нужно выдохнуть, отпустить ненадолго ситуации, сбежать от этого всего, чтобы просто думать свободней.

Андрей что-то говорит. Наверное, про работу. Или про то, что ему сегодня нужно костюм забрать. Я киваю время от времени. Даже не слышу слов.

И тут – звонок в дверь.

Я замираю с чашкой кофе в руке. Звонок повторяется, настойчивее.

– Ты ждёшь кого-то? – Андрей поднимает бровь.

– Не–е–ет... – я ставлю чашку и иду к двери.

Сердце почему-то бьётся чаще.

Может, мама? Может, Марина? Сейчас я точно не хочу никому, ничего объяснять или делать вид счастливой семьи. А вдруг Матвей Сергеевич... Мысли совсем абсурдные лезут в голову.

Я открываю дверь, даже руки дрожат.

На пороге стоит курьер. Молодой парень в форме, с огромным букетом белых лилий и розовых с желтым роз. Букет такой пышный, что его почти не видно из-за цветов.

– Доброе утро. Доставка для Ирины... – парень заглядывает в накладную. – Соколовой?

Я несколько секунд просто смотрю на цветы – словно не понимаю, что это ко мне.

– Это... мне? – глупый вопрос, но по-другому не выходит.

– Ну если вы Ирина Соколова, то это вам, – курьер не растерялся, похожу у него часто такое. Я с трудом киваю, все еще в каком-то ступоре. – Вот здесь подпись, пожалуйста, – он суется мне планшетку с накладной.

Я расписываюсь. Курьер вручает букет – увесистый, свежий, пахнет свежестью.

– Хорошего дня! – улыбается и уходит.

Я стою в дверях с цветами. Руки дрожат.

Цветы. Мне. Цветы.

Я стою, прижимая букет к себе, и вдруг чувствую... тепло. Настоящее, живое. Словно кто-то видит меня.

– Это ещё что? – Андрей подходит, скользит взглядом по цветам. – Ты... сама себе, что ли?

– Что? – я оборачиваюсь.

Он криво усмехается:

– Ну а что? Вполне в твоём стиле. Решила привлечь внимание мужа? Купила цветы, построила из себя загадку. Только... – он презрительно фыркает. – Со вкусом у тебя, как всегда, беда. Похоронный вариант.

Меня будто обливают холодной водой. Я не отвечаю. Просто прохожу мимо него на кухню и ставлю букет в кувшин.

Смотрю на цветы. Они... красивые. Такие, какие я всегда любила. Белые, лёгкие. И на душе становится... светлее. Что-то светлое в эти темные дни, ведь я ни одного цветочка не унесла домой подаренных на годовщину.

Я долго смотрю на цветы. Пальцы машинально перебирают лепестки, а внутри – что-то теплое расправляется. Среди бутонов замечаю карточку. Маленькую, белую.

Я достаю её и читаю.

«Надеюсь, сегодня тебе лучше. Джентльмен.»

Я неосознанно улыбаюсь. Еле заметно, одними уголками губ. Но потом меня пронзает мысль. Откуда он знает, где я живу?

И тут же телефон тихо вибрирует на столе.

СМС:
 «Надеюсь, я заставил тебя улыбнуться».

Я неосознанно прикусываю губу. Улыбка сама рождается, будто кто-то погладил изнутри. Но следом – неловкость, даже стыд. Это же... неправильно. И всё же пальцы сами печатают ответ.
 «Откуда ты знаешь, где я живу?»

Пауза. Сердце бьётся быстрее. Может он маньяк? И теперь будет преследовать меня? Может он уже следит за мной? Если он маньяк, то почему сразу не сделал свои грязные дела, пока я была в неадыквате? Телефон снова вспыхивает.

«Это вместо «спасибо»?»

Я улыбаюсь ещё шире, даже смеюсь тихо, будто кто-то сказал что-то очень личное, почти интимное. Щёки горят. Да что со мной... Ну какой из него маньяк?

Печатаю сообщение:

«Спасибо. Мне очень приятно. Откуда ты знаешь, где я живу?»

Секунда. Две. Экран загорается снова.

«Я могу рассказать при встрече»

Я выдыхаю и взгляд падает на кольцо. Тот самый блеск на моём безымянном пальце, словно цепи. И всё внутри мгновенно оседает. Использовать человека так некрасиво... я не хочу быть такой.

Я набираю сообщение:

«Я думаю, нам не стоит встречаться больше».

Мгновенно прилетает ответ:

«Я могу взять текилу».

Из меня вырывается смех. Настоящий. Такой лёгкий, искренний, будто на секунду весь груз с плеч исчезает. Может эта встреча как раз то, что мне нужно, чтобы голова начала думать по-другому. Чтобы я вышла из этого адского круга. И в этот момент в кухню заходит Андрей.

Кажется он стоит в дверях, смотрит на меня... Не знаю, он для меня сейчас исчез.

– Что происходит? – тихо, но так, что мурашки бегут по коже.

Улыбка гаснет. Я качаю головой:

– Ничего.

Быстро допечатываю:

«Только если без текилы. И это не свидание. А ты расска-

жешь, что я вчера делала».

Ответ приходит сразу, будто он ждал:
 «Буду через полтора часа. Хватит времени собраться?»

Пальцы сами печатают:
 «В самый раз».

Я выключаю экран, кладу телефон на стол. Андрей стоит в дверях кухни, прохожу мимо него, словно не замечаю. Иду в спальню, открываю гардеробную. Серый спортивный костюм. Мягкий, уютный, неприметный. Простой, как защита. Пусть так. Это же не свидание. Я должна показать всем видом, что я просто вышла на прогулку... Верно? Но все же быстро подкрашиваюсь.

Шаги позади. Осторожные, но уверенные. Я оборачиваюсь.

На пороге стоит в спальню Андрей. В его руке – мой телефон. Лицо каменное. Глаза холодные.

– Что это? – говорит он, голос у него тихий, ровный, как натянутая струна.

Он разворачивает экран ко мне.

На дисплее – сообщение:

«Мне не хватит одной встречи, чтобы рассказать тебе всё, что ты творила той ночью».

Кровь уходит из лица. Сердце бешено колотится где-то под самым горлом.

Всё тело будто сжалось в пружину – я лихорадочно думаю, что сказать, как выкрутиться. Оправдаться, соврать, успокоить... Не зли его, не зли, не провоцируй. Эта мысль привыч-

но вспыхивает в голове, но вдруг – что-то внутри щёлкает. Как будто я устала бояться.

Я делаю глубокий вдох, выдыхаю. Подхожу ближе, протягиваю руку и спокойно забираю телефон. Погашаю экран, убираю в карман.

– Это тебя больше не касается, – говорю спокойно, ровно, даже немного лениво.

Андрей прищуривается, в его глазах закипает злость.

– Ты что, головой вчера ударилась?

Я поднимаю на него взгляд.

– Ну, вообще-то да, – произношу тихо, но уверенно. Киваю в сторону коридора. – Вон об ту стену. Несколько раз. И это сделал ты.

Он замирает, будто не верит, что я вообще осмелилась это сказать, а затем вспыхивает.

– Похоже, мало было!

Я не реагирую. Просто отворачиваюсь, делаю шаг, хочу пройти мимо. Резкий рывок – он хватает меня за запястье, сжимает так, что боль пронзает до плеча.

– Куда собралась, сука?! – орёт прямо в лицо, дыхание обжигает кожу.

Я смотрю прямо в глаза. Ни страха, ни дрожи. Только холод и странное спокойствие.

– Отпусти. Немедленно, – цежу сквозь зубы, я давлю себе страх, мне сложно, но я должна это сделать. Пусть это наигранно, но Андрей должен понять, что больше не пугает меня.

Он на секунду теряется. Я вижу – не ожидал. Он привык, что я молчу, что сгибаюсь, что прячу глаза. Внутри всё трещит, ломается, собирается заново. Я больше не буду молчать. Этот брак нужен ему, не мне.

Его пальцы наконец разжимаются, и я ощущаю, как кожа под запястьем пульсирует от боли. Он отступает на шаг, будто сам не понимает, что делает. Я делаю вдох – короткий, острый – и медленно иду к двери. Два шага, три. Я слышу как Андрей с каждой долей секунды дышит все тяжелей.

– Где ты шлялась всю ночь, а?! – резко кричит он мне в спину. – Трахалась всю ночь с кем-то, а потом приперлась сюда ко мне, как ни в чём не бывало?!

Я оборачиваюсь. Смотрю прямо на него и не чувствую страха. Мне становится смешно. Андрей всегда казался мне строгим, собранным, ответственным, что он все знает, а в итоге... Кажется все эти качества я сама придумала и верила в них двадцать лет. Сейчас передо мной, слизкий, противный, изворотливый мужчина, который сам не понимает что ему надо. Я чуть усмехаюсь, едва заметно, уголком губ.

– Интересно, – говорю тихо, спокойно, – а ты сам где был полночи? Ты же не дома ночевал? – Он моргает, не сразу понимает что я говорю. Мне кажется у него вообще шок, что я умею говорить и у меня есть голос. Оказывается я не собачка, которая кивает на панели. Делаю шаг ближе, смотрю ему прямо в глаза. – Так что, Андрей... – произношу медленно, смакуя каждый звук. – Может, не будем задавать вопросы,

если не готовы услышать ответы? – В его взгляде вспыхивает ярость. Я чувствую, как воздух между нами сжимается, будто от накала можно зажечь спичку. Но я продолжаю, уже с легкой усмешкой. Может и не стоит, но меня уже не остановить. – Я вот подумала... у нас, наверное, теперь... как это называется? – я изображаю, будто вспоминаю. – Свободные отношения? Ты не интересуешься, где и с кем я, а я не трогаю тебя. Всех всё устраивает. Правда же?

Он замирает на мгновение, потом лицо его искажается.

– Что ты несёшь, тварь? – рычит он и резко бросается ко мне.

Хватает за руку, резко тянет, швыряет в стену. Удар гулкий, воздух вылетает из лёгких.

– Сука неблагодарная! Да кто ты без меня, а?! Кто ты вообще, ничтожество?!

Он замахивается – я вижу, как напрягаются мышцы, но не двигаюсь. Не прячусь. Не закрываюсь. Я смотрю прямо ему в глаза – и не вижу мужчину, с которым прожила полжизни. Передо мной чудовище, надутый до предела страхом и гордыней индюк.
Я даже улыбаюсь.

– Ну давай, – говорю тихо, ровно. – Бей. Как потом объяснишь начальству, что я пришла на юбилей фирмы с фингалом? – Он замирает. Делаю небольшой шаг к нему, не отводя взгляда. – Думаешь, мне кто-то поверит, что я «упала случайно»? Все ведь видели, как ты на меня орал тогда. Все. И Матвей Сергеевич тоже, у него и так много вопросов, так

что давай, усложни себе жизнь сам.

Он стоит, с рукой в воздухе, не решается. И я вижу, как его злость смешивается со страхом. Почти незаметно, но вижу.

8

Андрей стоит с поднятой рукой – и вдруг опускает её. Медленно. Я чувствую, как из груди выходит долгий, рваный воздух. До последней секунды я не знала: ударит или нет. Сработает ли моё «бей – объяснишь фингал директору» или я просто доведу его до точки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.